

КЕЙТ ФЕРНИВАЛЛ
ОДНАЖДЫ
В СОРРЕНТО

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)
Ф43

Kate Furnivall
THE LIBERATION

Перевела с английского
Виктория Дьякова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Фернивалл К.

Ф43 Однажды в Сорренто : [роман] / Кейт Фернивалл; [пер. с англ. В. Дьяковой] — СПб. : Аркадия, 2019. — 576 с. — (Серия «Мемогу»).

ISBN 978-5-906986-83-2

Во время гитлеровской оккупации Италии были похищены многие ценные творения искусства. Тень подозрения падает на погибшего отца юной Катерины Ломбарди. Стремясь защитить честь родного человека, девушка начинает собственное, смертельно опасное расследование. Однако этот роман рассказывает не только о рискованном поиске пропавших сокровищ, но и о нежной, страстной любви двух молодых людей, вспыхнувшей в разоренном войной Сорренто.

Кейт Фернивалл — автор многих широко известных историко-приключенческих триллеров.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7)**

© Kate Furnivall, 2016
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-83-2

Норману, с любовью

Глава 1

Сорренто, 1934 год

Катерина Ломбарди очень не хотела, чтобы нонно¹ умер. И уж тем более вот так — в одиночестве. Страшно было представить, как он с переломанными костями лежит на сырой земле, засыпанной холодными мокрыми листьями, и по нему ползают отвратительные жуки. Девочка в отчаянии крутила головой и вглядывалась себе под ноги, стараясь заприметить хотя бы крошечный след. Ей все время казалось, что нонно вот-вот выйдет из тумана, высокий, сухой, жилистый, и, покачивая головой, посмеется над ее страхами. А потом попросит стаканчик марсалы, чтобы согреться.

Но — увы, нонно не появлялся. И она не слышала его смеха.

Склоны оврага были довольно крутыми. Катерина осторожно спускалась, цепляясь за ветки, которые больно хлестали ее по лицу; соскальзывала вниз и снова упрямо двигалась дальше. Она разбила коленки о камни, ободрала локти, но терпела молча, не всхлипнув. Сердце колотилось в груди. Катерина знала: ни в коем случае нельзя отстать от поисковой группы, иначе отец отошлет ее домой.

---

¹ Дедушка (*итал.*).

— Куда ты ее тащишь? Она слишком мала, нечего ей там делать! — неодобрительно воскликнула Августа Кавальери, узнав об их намерениях.

Они стояли на краю оврага. Мозолистой рукой отец пригладил влажные волосы Катерины и, склонившись, заглянул ей в лицо. У девочки мороз пошел по коже — она не узнала отцовский взгляд. Обычно яркие, полные нежности и любви, его глаза сейчас будто подернулись пеленой. В них не было задора, заставлявшего ее беззаботно смеяться всякий раз, когда отец ей подмигивал. На нее смотрели глаза незнакомца, и Катерина ощутила, как внутри шевельнулся страх.

— Ты в самом деле хочешь помочь нам в поисках, малышка? — мягко спросил он.

— Мне сегодня исполняется десять, папа. Я уже большая. — И она с вызовом взглянула на высокую седовласую женщину в длинном черном пальто, которая хотела оставить ее дома. Лоб Августы Кавальери пересекал длинный фиолетовый шрам, который очень пугал Катерину, напоминая очертаниями блестящую извивающуюся змею. — Он мой дедушка, — продолжила девочка. — Я хочу найти его.

— Но там же опасно! — Августа Кавальери взмахнула рукой, возмущенная тем, что ребенок посмел с нею спорить.

Семьи Ломбарди и Кавальери дружили издавна. Отец Катерины и сын Августы, Роберто Кавальери, работали в Сорренто краснодеревщиками, а Катерину приучили ходить на цыпочках вокруг главы клана Кавальери, прислушиваясь к каждому ее слову. Любое неповиновение грозило наказанием.

— Сам посмотри. — Августа Кавальери указала на камни внизу. — Она там шею себе свернет.

— Нет, не сверну, — упрямо возразила Катерина. — Я обещаю, папа.

Она тоже посмотрела вниз, в глубокое ущелье с крутыми склонами: будто сделанный острым ножом, надрез рассекал вулканическую скалу. Где-то внизу проглядывали очертания заброшенной и уже почти разрушенной мельницы с высокой трубой. Склоны обильно поросли кустарником и вереском. Поникие ветки чахлах деревьев точно зонтиком прикрывали все, что таилось внизу. Это был очень мрачный, угрюмый мир. Очертания казались размытыми из-за густого тумана, поднимавшегося со дна, все здесь пронизывала вездесущая влага, делая спуск скользким и опасным. И где-то там, на самом дне, скрытый переплетенными ветвями и травами, лежал дедушка Катерины.

Она шею себе свернет!

Эти слова молоточками стучали в висках Катерины. От страха у девочки перехватило дыхание, и она прижала пальцы к губам, чтобы не вскрикнуть: «А как же нонно! Неужели он тоже свернул себе шею, когда падал вниз?» Может быть, поэтому взрослые разделились на группы? Все время перешептываются между собой и замолкают, едва заметив ее поблизости? Будто не хотят, чтобы она узнала правду?

Спасатели шли цепочкой. Они двигались медленно, переключаясь, выкрикивая имя Джузеппе Ломбарди, раздвигая палками кусты и траву. Мелкие дождевые капли падали на одежду и шляпы, скатывались в обувь вместе с сорвавшимися с листьев паучками. Катерина с трудом пробиралась среди папоротников, закрывавших ее с головой. Ей казалось, что она в плену серо-зеленой растительности и мерцающей паутины.

Все вокруг было расплывчатым, зыбким, подвижным. Звуки то ускользали, то приближались. Она старалась двигаться быстро по собственному маршруту, отклоняясь вправо, подальше от криков и хруста ветвей. Низко наклонившись и закрывая голову руками, девочка уходила все дальше вдоль нижней границы оврага, пока ее не поглотила тишина.

— Нонно! — звала она. — Где ты?

Остановившись, прислушалась — ответа не было. Только мерный стук дождевых капель по листьям... Вдруг ей показалось, что в тумане мелькнула тень. Сердце бешено заколотилось. Не заметив корягу, она споткнулась. Что это? Человек — или только ветер шелестит листьями? Снова раздался шум — сзади. Катерина резко повернулась — ничего. За серой пеленой дождя — пустота. Ей послышалось, или кто-то на самом деле что-то прошептал? Голос бабушки?

— Нонно! — закричала она. — Нонно!

Тишина.

Узкая тропинка, протоптанная мелким лесным зверьем среди папоротников, вела в глубину леса. Низко наклонившись, Катерина устремилась по ней, отодвигая ветки; платье волочилось по земле, концы длинных волос промокли и спутались. Вдруг между зеленых ветвей, у самого основания крутой серой скалы, она заметила светлое пятно. Катерина бросилась вперед, скользя по грязи и сминая папоротники. Бабушка всегда носил белую рубашку...

Девочке отчаянно хотелось замедлить шаг, остановиться, повернуть назад, но она упрямо подбиралась к светлому пятну. Когда же Катерина достигла цели, ноги ее подкосились. Вся дрожа, она упала на колени рядом с телом, расprostертым на сыром дне оврага.

Это был нонно: он лежал на спине, нелепо подогнув ноги. Точнее, у найденного Катериной человека была оболочка нонно, но, увы, вся человеческая сила ее покинула. Тело походило на тряпичную куклу, нос разбит и смещен в сторону — из ноздрей текла кровь. Тонкая красная струйка стекала по щеке на шею, питая розоватую, расплывчатую кляксу на воротнике рубашки. Черный костюм испачкался, намок и порвался. Одна глазница была пуста, обломки кости торчали из-под синюшной кожи. Катерина невольно зажмурилась, отшатнулась, но заставила себя открыть глаза. Она взяла руку деда и крепко сжала ее — рука была тяжелой и холодной.

— Нонно... — Девочка легонько прикоснулась к окровавленной щеке. — Нонно, это я.

Ни звука в ответ. Ни одна жилка не дрогнула на застывшем лице. На седых волосах — засохшая кровь. Сняв плащ, Катерина накрыла им деда. Струйки воды теперь стекали по ее лицу, смешиваясь со слезами. Сдерживая рыдания, она склонилась над ним. Длинная прядь влажных волос опустилась на помертвевшие губы, и... вдруг девочка заметила, что прядка едва заметно шолохнулась, снова и... вот опять. Совершенно точно.

— Нонно! — закричала Катерина. — Деда! Подожди минуточку! Я приведу папу! Подожди, деда, подожди...

Она продолжала кричать, пробиваясь сквозь заросли папоротника и густой туман к отцу.

Снизу доносились голоса. В полной темноте Катерина сидела на полу в комнате младшего брата, прижавшись виском к его кровати и обхватив руками колени. Брату исполнилось пять месяцев, он спал глубоким младенческим сном, и голоса его не тревожили. Не пугали,

как Катерину, чье сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Это были голоса родителей. Голос матери звучал громко и пронзительно; отец говорил приглушенно, так что слов было не разобрать. Дом стоял погруженный в ночной покой, поскрипывая, словно глубокий старик суставами. Переживая, Катерина нервно скручивала руками подол новой ночной рубашки, подаренной на день рождения. Родители часто ссорились, она знала. Ничего из ряда вон выходящего в этом не было, но теперь от страха почему-то скрутило живот.

Что-то недоброе слышалось в голосе матери. Какой-то новый звук, которого она не слышала раньше. Точно нож, он вонзился в сознание Катерины и уже не отпускал ее. Как сегодня утром, когда она сидела на мокрой земле, сжимая руку деда, и боялась разжать пальцы даже после того, как Нонно положили на носилки. Только в больнице она позволила себе отойти от деда, и отец отвел ее домой.

— Нонно жив, — сказал он, — и то приходит в сознание, то снова впадает в беспамятство. Получил несколько серьезных переломов и травму головы. Возможно, есть какие-то внутренние повреждения. Но об этом говорить пока рано.

— Как же это случилось, папа? — спросила Катерина.

— Он рассказал, что шел по самому краю оврага. Ты же знаешь, как наш нонно любит гулять. Камень под ногой держался непрочно и обрушился вместе с грунтом. — Отец обнял ее, и девочка уловила запах бренди в его дыхании. — Вот дед и упал. Это все.

— Бедный нонно...

Отец наклонился и прижался щекой к ее щеке так, что она не могла видеть его глаз, когда он прошептал:

— Да, бедный нонно... — Но прошептал как-то странно: она с трудом узнала его голос. — Слава богу, что ты нашла его. — Отец поцеловал ее в макушку, и Катерина обхватила его рукой за шею. — Дедушка поправится, — добавил он, — вот увидишь. Он сильный. Ломбарди вообще сильные. Так-то вот.

Однако сейчас она отчетливо и ясно слышала, как мама кричит:

— Вы — слабаки, Антонио! Ты и твой папаша. Бесхребетные слабаки!

Катерина тихонько вышла на лестницу и уселась в темноте, обхватив руками колени и прижавшись к ним подбородком — чтобы зубы не стучали. Сверху она могла видеть только часть гостиной — залитый ярким светом треугольник, — но и этого было достаточно. Она видела, как мать вышагивает туда и обратно по комнате, держа в руке бокал, то появляясь в треугольнике света, то исчезая из него. Мать была одета в красное платье. Обычно она надевала это платье, когда сильно сердилась или собиралась куда-то идти. Катерина обеими руками схватилась за перила, словно хотела удержать свой маленький мир от разрушения. Она видела: в комнате перед дверью стоит коричневый кожаный чемодан, а рядом с ним — алый зонтик.

— Не уходи, Лючия. — Голос отца звучал приглушенно и хрипло, словно чья-то невидимая рука сжимала его горло. — Останься. — Он сделал паузу. И хотя Катерина не могла этого видеть, она легко представила себе напряженную позу отца, его глаза, полные отчаяния и бессильного гнева. — Пожалуйста, останься.

Мать как-то резко, даже нервно рассмеялась:

— И что, свалиться со скалы, как твой папаша? Нет уж, спасибо! Здесь есть кое-кто, с кем я не хочу больше встречаться.

— Я предупреждал тебя, чтобы держалась подальше. Ничего бы не произошло, если бы ты не вертела перед ним хвостом.

— Не груби, Антонио. Хотя чего еще ждать от неотесанного южанина с крестьянской башкой!

— Я не крестьянин, Лючия, — спокойно возразил отец. — Я ремесленник, у меня своя мастерская.

Стройная фигура матери в красном платье снова метнулась в треугольнике света. Спина прямая, грудь выставлена вперед. Катерина очень не любила, когда мать так делала, хотя и не могла объяснить почему. Даже в ярости ее мать была красива. Большие голубые глаза сверкали, как молнии, — вот-вот пригвоздят к земле, а густая грива шелковистых светлых волос покачивалась над белыми точеными плечами. Она осушила до дна бокал с красным вином, который все еще держала в руках, шагнула в сторону и пропала из виду.

— Не уходи. — Голос отца.

— Да ради бога, Антонио!

— Как же дети?

— А что дети?

— Они нуждаются в тебе.

Мать вдруг захохотала, как-то неожиданно грубо, и никак не могла остановиться.

— Единственный, в ком нуждается Катерина, — это ты, а все, что нужно Луке, — это Катерина. Они даже не заметят моего ухода.

— Конечно же, заметят! Откуда в тебе этот эгоизм, Лючия?! — Обуревавший отца гнев наконец-то выплеснулся наружу, зазвенев в голосе. — Разве ты их не любишь?

У Катерины перехватило дыхание. Она прижалась лицом к перилам.

— Ты вполне сможешь любить их за нас обоих! — отрезала мать. — Я им не нужна.

Красное пятно снова мелькнуло в треугольнике света.

— Катерина вообще меня не любит.

— Боже правый, ведь ты ее мать! Конечно же, она любит тебя. И не просто любит — обожает!

Катерина отчаянно закивала. Мать должна прислушаться к доводам отца.

— Нет уж! Если она кого-то и обожает, то только тебя, — упрямо возразила мать. — Тебя, твои глупые деревянные поделки и твой вонючий рыбий клей. Она просто упивается всем этим.

— Не вынуждай нас оправдываться, Лючия. — Катерина слышала, как отец щелкнул зажигалкой, закурил сигарету. — Останься. — Его голос болезненно дрогнул. — Я смогу тебя защитить, обещаю.

— Как, например, своего отца?

— Я очень прошу, Лючия. Останься — ради детей.

Послышался перестук каблуков, мать снова появилась в треугольнике света и остановилась; на этот раз в ее руке не было бокала с вином. Повернувшись, она внимательно взгляделась в лицо мужа, губы растянулись в ироничной улыбке:

— В чем дело, Антонио? Не решаешься просить ради себя самого?

Последовала пауза — такая длинная, что Катерине показалось, будто отец заснул.

— Я же люблю тебя, Лючия, — наконец тихо произнес он. — Ты моя душа и сердце. Пожалуйста, останься ради меня.

— Я устала, Антонио. Я сыта по горло твоими скучными деревяшками, этими вечными разговорами об одном и том же, всей этой пошлой захолустной жизнью. Я ухожу прямо сейчас.

— Нет! — резко выдохнул отец.

— Да.

Мать повернулась и направилась к двери. Катерина инстинктивно поднялась на три ступеньки. В треугольнике света неожиданно возник отец. Он положил руку на плечо жены, но та пренебрежительно скинула ее, поведя плечом.

— Хотя бы попрощайся с детьми!

Отцовского лица Катерине не было видно.

— Не стану. К чему лишние слезы?

Отец как-то глухо выдохнул, точно получив удар кулаком в живот.

— Куда же ты поедешь?

— В Рим.

— И надолго?

— Навсегда.

— Лючия, я люблю...

— Мы едем вместе с Роберто.

На какой-то миг Катерине показалось, что лестничный проем стал темнее, а сгустившиеся тени — глубже и страшнее. Сердце сжалось от жгучей боли. Голос отца внизу прозвучал жестко:

— Роберто? — переспросил он. — Мой добрый друг Роберто Кавальери?